

**УПРАВЛЕНИЕ ОХОТСКО-КАМЧАТСКИМ КРАЕМ
В XVIII В. К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ
ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ НА ОТДАЛЕННЫХ
СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ ОКРАИНАХ СИБИРИ**

Территории русского Тихоокеанского побережья вплоть до XIX в. законодательно не выделялись в административном отношении, соответственно отсутствовало и их административно-территориальное обозначение. Топоним «Дальний Восток» появился много позднее и к веку XVIII едва ли применим. А поскольку русское население Тихоокеанского побережья сосредотачивалось в основном в Охотске и на Камчатке, для обозначения этих территорий условно примем термин «Охотско-Камчатский край», используя его отнюдь не в административном, а исключительно территориальном смысле.

Быстрые темпы распространения русского населения на огромные территории Сибири, особенно восточную ее часть, малое его количество и специфика социального состава привели к тому, что заселение новых земель носило не сплошной, а условно говоря, точечный характер. Возникавшие по мере продвижения первопроходцев укрепленные поселения приобретали значение военно-административных центров. Окружавшие их территории долгое время оставались неосвоенными и, более того, малоизвестными или же неизвестными вовсе. И если специфика Сибири ограничивала, а в ряде случаев делала и вовсе невозможным применение здесь общероссийских законов, то северо-восточные окраины в свою очередь являлись наиболее экстремальным проявлением сибирских особенностей. Административно новые территории на Колыме, Охотском побережье и по Амуру были отнесены к Якутскому уезду, который в числе 20 сибирских уездов подчинялся непосредственно центральной власти – Сибирскому приказу. Внутреннего административного деления в сибирских уездах, в отличие от российских, не существовало [6, с. 22–23]. Роль административных единиц выполняли остроги и зимовья, к которым приписывались ясашные иноземцы.

Первая крупная административная реформа, затронувшая Сибирь, была проведена по указу 1708 г. «Об учреждении губер-

ний и расписании к ним городов». Начиная с этого времени местное управление неоднократно претерпевало изменения, не всегда последовательных и планомерных, и что самое главное – без учета местных особенностей. Усиливалась пестрота в названиях административно-территориальных единиц, учреждений. Все это привело к тому, что в достаточно обширной литературе, касающейся данного вопроса, наблюдается масса несоответствий и разночтений.

Начиная с этого времени предпринимались неоднократные попытки унифицировать структуру местного управления, включив тем самым сибирские территории в общероссийское законодательное поле. Значительно усложнялась система управления. Упразднение Сибирского приказа ликвидировало особое положение Сибири, что должно было поставить ее в равные условия с европейскими территориями. При этом изначально не были приняты во внимание специфически сибирские особенности: огромные территории, крайне низкая плотность и чрезвычайная мобильность населения. С учреждением Сибирской губернии началась полоса административных преобразований, которые, однако, на данном этапе на административном положении Охотско-Камчатского края не сказались.

Действуя методом проб и ошибок, правительство пришло, наконец, к выводу о необходимости более гибко учитывать региональные особенности Сибири как отдаленной окраины империи и более жестко контролировать деятельность местных властей.

Значительная удаленность края и отсутствие путей сообщения (не менее года требовалось, чтобы доставить указы и распоряжения из центра на Тихоокеанское побережье) приводили к тому, что решение многих вопросов возлагалось на местные власти, которые фактически оказывались неподотчетными высшим инстанциям. Так, Иркутскому вице-губернатору Л. Лангу предписывалось поступать «по своему рассмотрению и по близости тамошних мест учинить... определение, понеже де отсюда [из Петербурга] о всем подробно за неимением подлинного известия в резолюцию ему объявить невозможно» [2, л. 3 об]. В свою очередь, Ланг ничего не знал о действиях Якутской воеводской канцелярии, в ведении которой находились Охотское побережье и Камчатка [2, л. 15.] В некоторой степени это избавляло от бюрократических

проволочек, но в то же время открывало многочисленным «сибирским лихоимцам» широкие возможности для злоупотреблений.

Значительное снижение доходов государственной казны от сибирской пушнины и торговли побудило правительство Анны Иоанновны принять меры к ограничению бесконтрольности сибирских чиновников. В 1730 г. был вновь учрежден Сибирский приказ, не занявший, однако, центрального положения в решении сибирских вопросов. Его роль сводилась к посредничеству между местной и центральной властью.

К этому времени относятся значительные изменения в административном положении Охотско-Камчатского края, произошедшие в результате деятельности академических экспедиций. Резко возросшая роль старого Охотского порта привела к тому, что указом 10 мая 1731 г. острог был объявлен портовым городом и центром особого Охотского правления, которое выводилось из ведения уездного Якутска и попадало в двойное подчинение: провинциальным властям Иркутска, и непосредственно Адмиралтейству [3, с. 148]. Новое административно-территориальное образование получало особый статус в качестве военно-специализированной единицы.

Параллельно с местными органами власти на отдаленных сибирских территориях действовали своего рода отраслевые учреждения – специально назначаемые из центра временные комиссии: судебно-следственные, финансово-фискальные, хозяйственно-организационные. Руководителями становились прибывшие из России офицеры, либо офицеры сибирских гарнизонов. Нередко руководители таких комиссий и экспедиций полностью брали на себя местное управление, что еще в большей степени усугубляло проблему злоупотреблений.

Первоначальная попытка сделать административным центром русского тихоокеанского побережья Анадырский острог к середине XVIII в. показала свою полную несостоятельность. Основанный для приведения в подданство местных народов и сбора с них податей, предназначения своего он не выполнил, более того, само содержание здесь укрепленного поселения оказалось невозможным ввиду крайне затруднительной доставки необходимого провианта [7, с. 40]. Декларированная правительством гарантия защиты народов, принявших русское подданство, от «не-

мирных инородцев» оказалась фикцией. Попытки насадить в крае земледелие также потерпели крах.

В начале 1760-х гг. по настоянию анадырского командира Ф. Х. Плениснера канцелярия была перенесена в Охотский порт. По-видимому, совмещение функций морского и административного центра было фактом не совсем случайным и означало смену внутривластных приоритетов: к середине века активизируется русский пушной промысел на морских островах, который на многие десятилетия станет важнейшей статьёй государственных доходов.

Отсутствие последовательной кадровой политики приводило в Охотск и на Камчатку людей случайных, чье назначение рассматривалось как наказание за разного рода проступки. Едва ли не каждый новый командир над Охотско-Камчатским краем назначался «в видах искоренений разных злоупотреблений». Однако распоряжения и указы носили декларативный характер, за их исполнением, как правило, не наблюдали и вспоминали лишь в случае какого-либо чрезвычайного происшествия. Зачастую наставления, данные разным должностным лицам, противоречили и исключали друг друга, что вызывало конфликты, порождало волну доносов и судебных разбирательств. В этом отношении весьма примечательным был многолетний конфликт между охотским командиром Ф. Плениснером и камчатским И. Извековым. Редкий начальник не заканчивал карьеру, а то и жизнь под следствием. Но репрессивные меры ощутимых результатов не приносили, поскольку особого выбора при назначении административных лиц, как правило, не существовало. Согласно рапорту полковника Зубрицкого, в 1772 г. во всем Охотске было «офицеров 15, да и то из них семь пьяниц и никуда не годных» [7, с. 60].

В некоторой степени проблему нехватки административных кадров решила вторая Берингова экспедиция. Ее офицеры (Василий Ртищев, Василий Хметевский, Федор Плениснер, Андреян Юрлов) вплоть до конца столетия служили на управленческих должностях разного уровня.

До губернской реформы 1780-х гг. на административных лиц возлагались и судебные-следственные функции. Фактически, они были вольны вершить следствие по своему произволу и зачастую через некоторое время сами оказывались на положении подсудимых [1, д. 5, л. 6; д. 3, л. 174].

Во второй половине XVIII в. административное деление и система управления в стране изменялись особенно часто. Но в основе их лежали идеи Петра I о разделении властей, четкой иерархии всех звеньев аппарата, сочетание отраслевого и территориального принципов управления, выборное и указное комплектование чиновничества [4, с. 28]. По реформе 1764 г. учреждалась Иркутская губерния, «в рассуждении великой обширности нашего Сибирского царства», состоявшая из пяти уездов. При этом Охотск сохранял свое особое положение, именуясь Охотским начальством. Последующее деление губернии на провинции на положении Охотска и Камчатки также не отразились.

Губернская реформа 1775 г. в Сибири вводилась рядом законодательных актов уже в начале 1780-х гг. В связи с огромными расстояниями в Сибири, в отличие от европейской России, сохранялось трехступенчатое административное деление губерния – провинция (округ) – уезд. Иркутская губерния стала состоять из четырех областей, самой восточной из которых была Охотская – из четырех уездов (Охотского, Гижигинского, Акланского и Нижнекамчатского). В целом, сохранение областного звена в системе местного управления существенно усложняло иерархию местных исполнительных и судебных учреждений [4, с. 38].

Для Сибири, а особенно ее дальневосточной окраины, с огромными расстояниями и отсутствием надежных круглогодичных путей сообщения, длящиеся более десятка лет следствия по вполне объективным причинам являлись скорее правилом, нежели исключением. Реформы 1780-х гг., изменив структуру органов управления, не слишком затронули внутреннюю сущность сложившейся системы. Более того, передача следственных дел учрежденной в 1783 г. палате уголовного суда вместо ускорения решения привела к еще большему их затягиванию. Показателен высочайший Манифест от 28 июня 1787 г., коим предписывалось закрыть всякого рода уголовные и казенные дела, не оконченные решением свыше 10 лет, «и буде по делам подобным где кто содержится в тюрьме, не мешкав освободить» [5, с. 25].

После ликвидации Павлом I наместничеств, упраздняясь и Охотская область с сохранением уездов в составе Иркутской губернии. Однако уже спустя несколько лет по указу 1805 г. в Охотске вновь учреждалось особое управление с подчинением Иркутскому губернскому правлению [6, с. 28].

Следующим важнейшим этапом в развитии административной системы стали реформы М. М. Сперанского, которые, несомненно, требуют тщательного и более детального разбора, а потому выведены за хронологические рамки данной работы.

Литература

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 783. Оп. 1. Д. 3, 5.
2. Российский государственный архив Древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 5. Д. 2480.
3. Алексеев А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки / А. И. Алексеев. – М., 1982. – 288 с.
4. Быконя Г. Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX вв. / Г. Ф. Быконя. – Красноярск, 1985. – 300 с.
5. Василенко М. В. Кадровые проблемы Охотской флотилии во второй половине XVIII века по следственным документам Иркутской палаты уголовного суда // Изв. Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». – Иркутск, 2005. – Вып. 4. – С. 25–29.
6. Казарян П. Л. Из истории административного устройства и управления северо-востоком Сибири в 1629–1821 гг. // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. – Владивосток : ДВО РАН, 2003. – Т. 4. – С. 18–31.
7. Сгибнев А. С. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке 1759–1772 гг. // Морской сборник. – 1869 – № 6.

КУЛИКОВА А. Н.

МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ЯКУТСКОЙ ОБЛАСТИ XVIII–XIX ВВ.

Со второй половины XVII в. – до начала XX в., в ситуации активной российской колонизации Якутской области, в тесное соприкосновение пришли народы, принадлежащие к различным культурным традициям. Местные якутские и тунгусские племена оказались под сильным влиянием русской православной культуры, что не могло не сказаться на традиционных религиозных представлениях, привычном образе жизни и видах хозяйствования.

До XVII в. в Якутской области преобладала традиционная культура коренных народностей, которые были представлены многочисленными этническими группами. На обширной территории разбросанно проживали такие племена, как юкагиры, нанайцы, коломцы, яндыри, долгане (на северо-востоке) [1]. В центральной части Якутии проживали предки якутов (кочевые и полукочевые группы), южную часть северного края занимало тунгусское население, также делившееся на ряд племен. Несмотря на